

HARLEQUIN®

076

Бронвин Скотт

**ЗАВИДНАЯ
НЕВЕСТА**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Бронвин Скотт
Завидная невеста
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 76
Серия «Карибские повесы», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25231243

Бронвин Скотт. Завидная невеста: Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07593-2

Аннотация

Рен Драйден, граф Дартмур, получил в наследство от дяди плантацию на острове Барбадос. Отправляясь в путь через океан, граф меньше всего думал о романтике. Он надеялся, что плантация спасет его от разорения: в Лондоне остались его мать, младшие сестры, брат и погрязшее в долгах поместье. Граф понятия не имел, что у него есть совладелец – красивая и загадочная Эмма Уорд, про которую ходят слухи, будто она ведьма. Вскоре Рен на себе испытает колдовское воздействие чар этой соблазнительной женщины...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Бронвин Скотт

Завидная невеста

Bronwyn Scott

PLAYING THE RAKE'S

GAME

A Novel

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Playing the Rake's Game

Copyright © 2015 by Nikki Poppen

«Завидная невеста»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Бриджтаун, Барбадос Начало мая 1835 г.

Рен Драйден отмечал две важные особенности человеческой природы – мудрость и глупость. Он считал, что мудрый человек никогда не станет убегать от проблем, и только глупец способен упустить новые возможности. Рен причислял себя к первой категории, и вот уже вторую неделю бороздил воды Атлантики на борту почтового судна «Ярость», уносящего его все дальше от привычной жизни. Душа Рена ликовала в предвкушении опасностей и от осознания того, что он бросил вызов морской стихии. Даже неведомые пока трудности, поджидающие его на суше, вызывали у него восторг. По крайней мере, он будет занят делом.

Бросив лодочнику монету за то, что доставил его на берег, Рен вступил на лихорадочно бурлящую торговую пристань Бриджтауна, сразу пришедшуюся ему по вкусу. Ах, Карибы, край рома и рискованных приключений, волнующий кровь!

Рен одобрительно осмотрелся по сторонам, упиваясь яркими одеждами людей, видом спелых фруктов, чистого неба и моря, запахом цитрусовых и пота, жаром солнца на лице. Он с готовностью окунулся в царящую вокруг праздничную атмосферу, решив, что только с сегодняшнего дня и начал жить той жизнью, какую сам для себя выбрал, и отныне бу-

дет строить ее по своему усмотрению, а не следовать курсом, заданным до него многими поколениями Драйденов.

В Лондоне найдется немало людей, которые с готовностью обвинят его в побеге. Внушительный получится список, начиная от членов его семьи. Они считали, что нашли «идеальное решение» маленькой проблемы династического долга в лице наследницы из Йорка, близорукой и с землистым цветом лицом, и заканчивая кредиторами, гоняющимися за ним по серым улицам Лондона и даже устраивающими засады у элитных клубов, в которых он состоит.

Множество мужчин из его окружения сдались бы на милость обстоятельств: женились бы на наследнице, рассчитались с долгами и стали копить новые, чтобы поколение спустя заставить своих будущих сыновей пойти на такую же жертву. Достигнув совершеннолетия, Рен пообещал себе, что не будет рабом прошлого.

Его пугало осознание того, что большинство его знакомых джентльменов, вместо того чтобы обрести свободу, не дрогнув, пошли бы под венец с женщиной, которая вместо теплых чувств вызывает у них откровенную неприязнь. Для них главное – решение финансовых проблем. В конце концов, привычная обстановка дарует некоторое утешение. Рен понимал этих мужчин, но мог им только посочувствовать. Сам он точно не из их числа.

Внешне он походил на сверстников манерой одеваться, поведением, включая непременно посещение клубов,

но внутренне отличался, бунтовал против людей и обстоятельств, стремящихся посадить его на короткий поводок. Он всегда протестовал против ограниченного набора добродетелей истинного джентльмена.

Теперь оковы пали, а надежды обрели реальное воплощение. Он здесь, он свободен, хоть и пришлось, как водится, заплатить определенную цену. Если предприятие не увенчается успехом, его семья пострадает вместе с ним: мать, сильно сдавшая после смерти отца, две сестры (одна ожидает дебюта в свете, вторая – подходящей партии) и тринадцатилетний Тедди, который, если Рен не вернется, унаследует титул графа и погрязшие в долгах угодья.

Рен крепче сжал ручку саквояжа, опасаясь за сохранность его содержимого, столь ценного, что нельзя оставить на борту с сундуками, которые сгрузят на берег позже. По сути, в саквояже хранилось его будущее: письмо-представление и копия завещания кузена Мерримора, отписавшего ему пятьдесят один процент сахарной плантации – львиную долю в процветающем бизнесе.

Разумеется, придется иметь дело с акционерами, но технически вся плантация находится под его управлением. Он не проиграет. Каким бы немислимым делом это ни было для джентльмена его происхождения, он решил в совершенстве овладеть искусством торговли, по-тихому делал вклады на бирже и время от времени покупал доли груза судов. Живя в Лондоне, он активно интересовался дебатами в парламенте

и был вхож в политические круги.

В результате на Барбадос он прибыл с некими познаниями о Британской колониальной системе и с твердым намерением заработать прибыль честным трудом, платя справедливое жалованье работникам. Он не станет спасать от бедности свою семью, спуская семь потов с других людей, потому что, даже находясь в отчаянном положении, не забывает об этике.

– Эй, там! Драйден, ты ли это?

Пробирающийся через толпу высокий мужчина с кожей цвета бронзы и с выцветшими на солнце волосами застал Рена врасплох. Внешность его была Рену незнакома, но голос своего некогда лучшего друга он узнал бы где угодно. Сливки лондонского общества получили бы апоплексический удар, увидев, во что превратился бывший завсегда тай бальных залов. Карибское солнце высветлило его белокурые волосы и позолотило кожу.

– Китт Шерард! – Рен широко заулыбался. – Вот уж не думал, что ты сможешь приехать. – Он отправил письмо с вестью о своем прибытии с предыдущим почтовым судном, но об ответе, конечно, не могло быть и речи.

– Как же я мог не приехать! Ни за что не позволил бы тебе стоять в одиночестве тут на пристани. – Китт крепко обнял его. – Сколько времени минуло, Рен? Пять лет?

– Пять долгих лет. Только посмотри на себя, Китт! Барбадос тебе на пользу! – воскликнул Рен, еще не опомнившийся от произошедших с другом перемен. В душе Китт всегда

был дикарем, и теперь эта черта характера полностью им завладела. Он отрастил волосы и сменил привычные джентльменские бриджи и сюртуки на свободное удобное одеяние портовых рабочих. Но глаза цвета морской волны остались острыми и пронизательными. Рен очень обрадовался встрече со старым другом.

– Это точно, – рассмеялся Китт при виде приближающейся к ним хорошенькой темнокожей торговки фруктами, призывно виляющей бедрами.

– Свежий фрукты, господа мои, лучший фрукты на остров, – на ломаном английском обратилась она к ним. – Этот красивый джантмен – ваш приятель, мистер Китт?

Она подбросила крепкий спелый апельсин прямо у носа Рена, волнуя его обоняние цитрусовым ароматом. Ее маневр достиг цели. После двух недель плавания, в течение которых Рен не ел ничего свежего, апельсин стал слишком большим соблазном. С тем же успехом эта островная красавица в блузке с низким вырезом могла бы быть самой Евой, искушающей его яблоком. Рен отлично понимал, почему Адам поддался соблазну.

– Этот джентльмен прибыл из самого Лондона, Лидди. Так что веди себя с ним прилично. – Китт дал девушке две монеты и, получив взамен фрукт, бросил его Рену.

– Все ваш друзья такой красивый?

Флиртуя с Реном, Лидди подалась вперед, и в вырезе ее свободной блузки мелькнули крепкие круглые фрукты

эротического свойства. Она улыбнулась ему приглашающей улыбкой.

Китт приложил руку к груди, притворяясь, что ранен в самое сердце.

– Красивее меня, Лидди?

Она рассмеялась:

– Вы слишком хороший для бедная девушка вроде меня, мистер Китт. Вы представить меня свой друг?

– Лидди, это Рен Драйден, кузен Альберта Мерримора. Он унаследовал плантацию «Сахарная земля».

Рену показалось, что Лидди в испуге отступила на шаг. Слова, которые она затем произнесла, убедили его, что у него вовсе не разыгралось воображение.

– Там беспокойно. – Она с опаской посмотрела на Китта. – Вы лучше рассказать ему о духах и ведьме, мистер Китт. – Потеребив висящий у нее на шее черный коралл на кожаном ремешке, она сняла его через голову и протянула Рену. – Вам нужен защита. Это будет отгонять злой духи.

Не зная, что сказать, Рен взял оберег. Его встревожила новость о том, что на его плантации не все благополучно. А участие духов и ведьмы и вовсе показалось зловещим предзнаменованием. Он удивленно взглянул на Китта, но тот лишь пожал плечами.

– Мы с другом добрые прихожане англиканской церкви, Лидди, и не верим в привидения, – беззаботно улыбнулся Китт в ответ на тревогу Лидди.

Добрые прихожане англиканской церкви? Рен с трудом подавил смешок. Едва ли Китт регулярно ходит в церковь. Усердствовать он может только в одном – в создании неприятностей, а слово «добропорядочный» в его словаре попросту отсутствует.

Рен спрятал амулет под рубашку, а Китт продолжил флиртовать с Лидди.

– Ты заставляешь меня ревновать, Лидди. Мне разве талисман не полагается? Просто на всякий случай?

Лидди заулыбалась:

– Мистер Китт, мне жаль бедный дух, кто захочет встать вам поперек путь. – С этими словами Лидди удалилась, покачивая бедрами.

– Ты ей понравился, – заметил Китт, толкая Рена локтем в бок. – Могу поспособствовать свиданию.

– Нет, спасибо. Женщинам придется подождать, пока я разберусь с плантацией, – со смехом отказался Рен. – А ты все тот же старый добрый Китт Шерард, покоритель женских сердец!

Китт, казалось, серьезно задумался.

– Не тот же, смею надеяться. Я сюда приехал, чтобы стать иным, чем был в Лондоне. Подозреваю, что и ты тоже.

Рен понимающе кивнул. Барбадос – это место, где можно начать жить заново. Китт внезапно покинул Лондон пять лет назад, не сказав никому ни слова. Однажды ночью он объявился на пороге дома Рена, ища убежища, но объясне-

ний никаких не дал, а на следующий день отправился в порт, оставив позади и прошлую жизнь, и свое настоящее имя. Рен был последним, кто его видел. Китт сжег за собой все мосты и лишь изредка присылал письма Рену и еще одному участнику их трио, Бенедикту Де Бриду.

Рен представления не имел, чем Китт занимается. Между приятелями повисло молчание, напоминающее о том, сколь разный выбор они сделали. Рен направил разговор в практическое русло.

– Тебе удалось пригнать повозку? – Ему было проще не думать о глобальных последствиях своего решения, но действовать постепенно, шаг за шагом. И следующая задача – добраться до плантации.

– Ожидает за углом. Похоже, что твои пожитки уже сгрузили на берег. – Китт указал на причалившую лодку-челнок.

Рену придется повременить с вопросами до тех пор, пока сундуки не окажутся в повозке. Он все больше нервничал. Что натворил кузен Мерримор? Что не так с «Сахарной землей»? Рен, конечно, ожидал трудностей. В конце концов, кузен Мерримор скончался четыре месяца назад, но Рен верил, что инвесторы сумели справиться с управлением.

Строго говоря, он считал, что трудностей особых возникнуть не должно, ведь большинство владельцев плантаций – английские помещики, нанимающие управляющих из местных жителей.

Оттого, что никто с ним не связался, пока он был на ро-

дине, Рен заключил, что землевладельцы живут на Барбадосе. Но управляющий должен исправно выполнять привычную работу, невзирая на присутствие или отсутствие кузена и акционеров. Рен сунул палец за воротничок. Из-за жары одежда вдруг показалась ему ужасно неудобной. Он завистливо посмотрел на Китта.

– Сними ты свой треклятый сюртук, Рен. Мы же не в Англии, – видя его мучения, рассмеялся Китт. – Тут даже жара другая, но ты привыкнешь. – Он подмигнул. – Если ты хоть немного похож на меня, то тебе здесь понравится.

Усмехнувшись, Рен стянул сюртук.

– Я люблю жару, а в Лондоне ни разу не видел такого голубого неба. Здесь рай на земле. – Он сошел на берег всего несколько минут назад, но уже радовался открывающимся новым возможностям. Все здесь иное: небо, погода, фрукты, люди.

Слухи о духах и ведьмах его нисколько не беспокоили бы, если б не то обстоятельство, что они связаны с его плантацией. Чтобы приехать сюда, он рискнул всем. Черт подери, он бросил свое графство, препоручив заботы по его содержанию дворецкому и адвокатам. Он, конечно, доверяет этим людям, но на всякий случай попросил своего близкого друга Бенедикта Де Брида присмотреть за всем. В общем, жизнь идет своим чередом, но если враги решат действовать... О последствиях лучше не думать. Он заставит свой план заработать.

Рен уселся в повозку рядом с Киттом, решив, что пока лучше отложить разговоры на животрепещущие темы.

– Спасибо, что приехал за мной.

– Я с радостью, хотя, уверен, кто-нибудь с плантации сделал бы это вместо меня. – Китт искоса посмотрел на Рена. – Они ведь знают о твоём приезде, правда? – Видя, что Рен не отвечает, он верно истолковал его молчание и добавил: – Черт, они не знают.

– Вообще-то нет, – протянул Рен. – Я и не подозревал, что на плантации есть люди. Думал, кузен Мерримор жил один. – К тому времени, как он понял свою ошибку, посылать письмо было уже поздно.

Китт поерзал на сиденье, усилив охватившее Рена предчувствие беды.

– Давай начистоту, Китт. Расскажи мне, что происходит на плантации. Неужели там в самом деле обитают духи и ведьмы?

Рен рассеянно коснулся кораллового оберега под рубашкой. Бриджтаун, единственный на острове город, остался позади, и его не покидало ощущение изоляции, ведь он вырос в столице и привык получать развлечения, еду и все, что душе угодно, по первому требованию и в шаговой доступности. Здесь же на него вдруг нахлынуло осознание чудовищности собственной затеи. Ему придется полагаться только на самого себя, проверять на прочность свои силы и знания.

Китт покачал головой:

– Плохие дела творятся, но я, конечно, и половины не знаю. Я же большую часть времени в разъездах.

Рен не поверил ни одному слову, ведь Китт из тех людей, кто всегда в курсе событий.

– Не нужно приукрашивать действительность, – твердо произнес Рен. – Я хочу точно знать, во что ввязался.

Неужели он взвалил себе на плечи больше, чем сможет унести? Предположения – вещь опасная, а он именно строил предположения касательно собственности кузена Мерри-мора. Но у Рена не было выбора: либо жениться на непривлекательной, но богатой женщине, либо сделать ставку на плантацию.

Китт снова пожал плечами:

– Это все из-за ремесленной программы.

Рен понимающе кивнул:

– Да, слышан.

Рабство на Британских Карибах отменили пару лет назад, заменив его ремесленной программой. В теории идея была хорошая: хозяева плантаций должны платить бывшим рабам за работу на земле, которую те прежде обрабатывали бесплатно. На практике ситуация мало чем отличалась от рабства.

– Найти рабочую силу непросто, – продолжил Китт. – Владельцы плантаций считали, что теряют слишком много денег, поэтому гоняли своих работников до седьмого пота, а частенько даже и до смерти. Как ты понимаешь, никто за ми-

зерное жалованье трудиться не хочет, особенно зная, что это может закончиться смертью.

Значит, урожай гниет на корню, потому что никого невозможно нанять его убирать. Следующие слова Китта заставили Рена насторожиться:

– За исключением «Сахарной земли». Потому-то так взъелись соседи.

Рен попытался осмыслить услышанное, но не смог.

– Боюсь, тебе придется объяснить, что ты имеешь в виду.

Китт так и сделал.

– Хозяева всех плантаций, кроме «Сахарной земли», отказались платить бывшим рабам честное жалованье. Желющие возделывать землю искали безопасные условия труда и справедливую оплату. В результате «Сахарная земля» стала единственной на данный момент процветающей плантацией.

Это хорошая новость. Рен вздохнул было с облегчением, но Китт еще не закончил.

– Несколько месяцев назад, когда умер твой кузен, кто-то пустил слух, будто рабочих на «Сахарную землю» заманивают духи. Якобы женщина, управляющая плантацией, занимается черной магией, и именно поэтому ее дело столь успешно. Со временем слухи стали разрастаться: она-де прокляла посадки соседей, а на собственные наложила заклятие роста.

– Погоди-ка минутку. – Рен усваивал информацию маленькими порциями. Чары? Колдовство? Женщина?

Неверно истолковав причину потрясения Рена, Китт, сжалившись, пояснил:

– Понимаю, к самой идее черной магии нужно привыкнуть. Острова полны ею. Для нее здесь даже есть особые названия: вуду, обеа¹. Это африканские веяния. Все предрассудки, призраки и чары оттуда.

Рен подумал о спрятанном под рубашкой амулете. Черная магия волновала его сейчас меньше всего.

– Нет, я не о том. Расскажи-ка мне лучше, что там за женщина на плантации? – В завещании кузена Мерримора больше ни о ком не упоминалось.

Китт кивнул и ответил очень серьезно:

– Ее зовут Эмма Уорд.

Рену вдруг сделалось нехорошо. Он догадался, что не существует никакого сообщества акционеров, живущих в Англии, которым придется писать ежемесячные отчеты. Иными словами, нет никаких «их», а есть лишь «она». Оставшиеся сорок девять процентов плантации находятся в собственности сумасшедшей женщины, которая, если верить слухам, насылает порчу на соседский урожай.

Рен и не подозревал, какой колоссальный сюрприз его здесь ждет. Он не шел ни в какое сравнение с планами самого Рена стать сюрпризом для других. Более осторожный человек на его месте остался бы в городе, отправив на плантацию уведомление о своем приезде. Но Рен был не из тех, кто

---

¹ Вуду, обеа – афро-карибская религиозная традиция. (Примеч. пер.)

уклоняется от брошенного ему вызова. Он всегда ныряет в самую гущу трудностей, даже если дело касается скандально известной женщины.

Рен откинулся на спинку сиденья повозки и подставил лицо солнечным лучам. Ах, Карибы, край рома, рискованных приключений и, похоже, легкого помешательства.

Глава 2

Ожидание сводит с ума! Эмма Уорд снова посмотрела на стоящие на краешке письменного стола часы. Мистер Пятьдесят Один Процент уже должен быть здесь, если вообще придет. Эмма с отсутствующим видом перебирала лежащие перед ней документы, но сосредоточиться ни на чем не получилось. С тем же успехом они могли быть написаны на арабском языке. Встав из-за стола, Эмма принялась расхаживать из угла в угол, чтобы дать выход энергии. Все лучше, чем бесцельно перекладывать бумаги.

Да и ждет ли она его? Ожидание означает, что он придет. Эмму интересовало, когда можно прекратить ждать и уверить себя, что он все же не появится?

Нервы ее были натянуты как струна, и так происходило каждый почтовый день с самой смерти Альберта Мерримора. Целых четыре месяца она живет в неведении. Может, именно сегодня получит письмо с сообщением о скором прибытии его кузена. Или, что еще хуже, он собственной персоной появится на ее пороге. С другой стороны, всякое может случиться. Корабль задержится в пути, или у него самого возникнут неотложные дела – в случае, если он все же решит приехать. Может, по дороге взял и передумал лично посещать плантацию, ведь его прибыль не зависит от того, видел он это место или нет. Большинство джентльменов пред-

почитают не утруждать себя понапрасну, особенно если дело сопряжено с некоторой долей риска. Кого она пытается обмануть? Не с некоторой долей, но с риском для жизни. Не стоит забывать об опасном плавании через океан. Даже современные корабли с паровыми двигателями время от времени идут ко дну.

Эмма отругала себя за эту мысль. Она вовсе не желала наследнику смерти, было бы вполне достаточно, чтобы после кораблекрушения он оказался на необитаемом острове, приплыв туда на перевернутом столе. В течение четырех месяцев ее уединение никем не нарушалось. Сколько еще пройдет времени, прежде чем она уверится, что так будет и впредь? Пусть мистер Пятьдесят Один Процент живет в каком-нибудь другом месте, но не здесь.

Кстати, нужно перестать его так называть. В завещании же черным по белому сказано: Ренфорд Драйден. Какое удушливое имя, имя старого человека. С кем еще, как не с пожилыми людьми, мог иметь дело дорогой старина Мерри? Ему самому ведь было хорошо за восемьдесят, следовательно, и кузен примерно того же возраста. Даже если он моложе лет на двадцать, все равно ему сейчас больше шестидесяти. Это соображение озадачивало еще сильнее: зачем человеку в летах пускаться в опасное плавание, которое разрушит и его, и ее жизнь тоже? Возможно, он вообще не приедет, и ей нечего волноваться.

Эмме хотелось лишь одного: тихо-мирно выращивать са-

харный тростник, не завися ни от какого мужчины. После всего что ей довелось пережить, не слишком много она и просила. Ей никогда не везло с мужчинами, начиная с ее отца и заканчивая мужем. Единственный мужчина, который хорошо к ней относился, был старина Мерри, а теперь придется иметь дело с его родственничком. Она не может помешать его приезду, зато в ее силах заставить его почувствовать себя нежеланным гостем.

Эмма уже начала борьбу. Она не написала ему, хотя и следовало бы, чтобы объяснить ситуацию, когда адвокат отправил весточку в Англию. Она опасалась, что ее послание будет воспринято как личное приглашение, поощрение приехать, хотя на самом деле требовалось обратное. Повозку по почтовым дням она в город не отправляла.

Она снова ощутила гложущее чувство вины. Если пожилой человек приплыл с сегодняшним судном, по ее милости ему придется самому о себе заботиться на такой жаре. Она понимала, что поступает низко. Совесть говорила, что следовало послать кого-нибудь в город просто на всякий случай. Например, подрядить Самуэля съездить, справиться, нет ли почты. В очередной раз посмотрев на часы, Эмма расслабилась. Уже поздно. Значит, угроза миновала еще на две недели. Если бы он приехал, то сейчас уже был бы...

– Мисс! Мисс! – Хэтти, одна из горничных нижнего этажа, поспешно вбежала в кабинет, позабыв о манерах. – Это он! Это наш мистер Драйден! Я почти уверена! Едет с этим

плутом мистером Киттом!

– Китт Шерард? Ты уверена? – Что может быть общего у распутника, занимающегося контрабандой рома, с престарелым наследником? Меньше всего Эмме хотелось, чтобы Ренфорд Драйден познакомился с Шерардом. Она остановилась у висящего над пристенным столиком зеркала, проверила, в порядке ли прическа. Отметила про себя, что Шерард опасно близок к пиратам. – Надеюсь, он еще не успел напоить нашего гостя, – пробормотала она, поправляя непокорную прядь волос.

По определенным соображениям Эмме хотелось произвести хорошее впечатление, а Китт Шерард вполне мог все испортить. Она рассчитывала убедить мистера Драйдена продать ей свою долю наследства или хотя бы отплыть обратно в Англию, заверив, что его акции в надежных руках. В целом так оно и было, вот только в данный момент она несколько стеснена в средствах. Но сбор урожая все исправит.

Эмма с радостью обменяла бы часть прибыли на собственную независимость. За последние четыре месяца она почувствовала вкус свободы и поняла, как хорошо быть самой себе хозяйкой. Разумеется, ей не хотелось выпускать из рук ни крупицы независимости и ответственности.

– Я нормально выгляжу, Хэтти? – Эмма разгладила юбки своего любимого аквамаринового платья. – Они уже у крыльца?

– Как раз подъезжают, мисс. Вы отлично выглядите. –

Хэтти нахально подмигнула. – После двух недель плавания джентльмену вроде него любая покажется красоткой.

Эмма сухо рассмеялась:

– Не уверена, что это комплимент, Хэтти. – Убедившись в безупречности своего вида, Эмма поспешила навстречу Драйдену, как будто самое ее присутствие может исправить ситуацию. Чем быстрее Драйден отделается от Шерарда, тем лучше.

Добежав до парадного крыльца, Эмма слегка запыхалась. Настал момент, которого она ждала и страшилась. По крайней мере, теперь, с прибытием Драйдена, дело сдвинется с мертвой точки. Она подумала с ноткой оптимизма, что открывающееся перед ней будущее куда лучше, чем неведение, в котором она живет уже четыре месяца. Раз уж ей по силам управление целой плантацией, то с одним-единственным старичком она точно справится.

Повозка остановилась у крыльца, и Эмма поняла, что ее безупречный план дал трещину. Ренфорд Драйден оказался вовсе не человеком преклонных лет и даже не средних, но невероятно красивым молодым мужчиной. Он легко спрыгнул на землю, и она залюбовалась его широкими плечами и длинными ногами. Этот точно не нуждается в предостережениях о трудностях островной жизни, он и сам прекрасно со всем справится.

В брошенном Эммой на Хэтти резком взгляде явственно читался вопрос: «Почему ты мне не сказала?» С другой

стороны, Хэтти ведь предупредила ее на свой манер. Эмме следовало бы распознать подвох, как только было упомянуто имя Китта Шерарда. Она внимательно присмотрелась к Ренфорду Драйдену. Ростом он выше шести футов, мускулистый, с медового цвета волосами, прямым носом и пронзительными голубыми глазами. Он быстро и уверенно взбежал по ступеням крыльца, с каждым шагом как будто становясь выше. «В конце концов, – подумала Эмма, – он всего лишь мужчина, а с мужчинами можно справиться. Нужно справляться».

Эмма глубоко вздохнула. Следует поприветствовать его, как она планировала, ведь стоит дать слабинку в общении с мужчинами, они тут же садятся на шею и начинают командовать. Довольно с нее подобного обращения!

– Добро пожаловать в «Сахарную землю»! – воскликнула Эмма, протягивая руку и излучая радушие, как будто нежданный гость оказался именно тем, с кем она давно мечтала встретиться. – Рады приветствовать вас. – Она надеялась, что он не распознает фальши в ее голосе.

Его сильные пальцы сомкнулись вокруг ее ладони. Эмма вздрогнула. Никогда еще простое рукопожатие не казалось ей столь интимным действием! Драйден внимательно посмотрел на нее:

– И я рад быть здесь, мисс Уорд.

Он иронизирует, или ей послышалось? Неужели подозревает, что она не была с ним откровенна?

Эмме не представилось возможности обдумать свои подозрения, потому что в следующее мгновение Ренфорд Драйден улыбнулся, демонстрируя ямочки на щеках, и она поняла, что пропала. Его соблазнительная улыбка навевала мысли о греховных любовных утехах. Какая невероятная у него харизма! Но сразу понятно, что за притягательной внешностью кроются ум и уверенность в себе. Он смерил ее пронизательным настороженным взглядом голубых глаз, ничего не принимающих на веру. Эмму вдруг осенило, что они с Драйденом заняты одним и тем же – оценивают друг друга, выбирают правильную линию поведения.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, какую стратегию предпочтет он – стратегию всех мужчин, имеющих дело с женщиной, у которой есть то, что им нужно. Эмма расправила плечи и сказала себе, что она будет осторожна. Этому мужчине не удастся похитить ее независимость. У нее разработана своя стратегия. Пришло время показать мистеру Драйдену, как непросто управлять сахарной плантацией, и ненавязчиво подтолкнуть к мысли, что лучше всего препоручить это ей и вернуться обратно в Англию к привычной жизни.

Она осмотрела его с ног до головы, отметив дорогую ткань ладно скроенной одежды. Несомненно, он привык к роскоши. Быть может, ей удастся использовать это обстоятельство против него. Здесь, на острове, средства на роскошь приходится зарабатывать тяжким трудом, к которому самоуве-

ренные харизматичные красавчики вроде него, как правило, оказываются не готовы. Чтобы получить желаемое, мистеру Драйдену достаточно просто улыбнуться. Но улыбка не поможет убрать урожай или оплатить счета. В основе всего, что есть в «Сахарной земле», лежит упорный труд.

Эмма по-хозяйски улыбнулась в ответ:

– На задней веранде у меня есть лимонад. Можем спокойно посидеть и обсудить дела, мистер Драйден. Заодно и познакомимся. – Нужно показать, что между ними большая разница, для нее управление плантацией – привычный труд, чего не скажешь о ее госте, и ему не обязательно жить здесь, чтобы пожинать плоды процветающего дела.

– Зовите меня Рен, пожалуйста. Никаких «мистеров Драйденов», – произнес он, отступая в сторону, чтобы дать дорогу двум слугам, несущим его сундуки.

Воспользовавшись паузой в разговоре, Эмма перевела взгляд на повозку. Она не поддастся соблазну и не станет называть его по имени. Пока, во всяком случае. Подобная фамильярность – первый шаг к соблазнению.

– Мистер Шерард, не соблаговолите ли к нам присоединиться?

Не предложить было бы невежливо. Однако она надеялась, что Шерард ответит отказом. И не ошиблась. Китт помотал головой:

– Нет, благодарю вас. Сегодня вечером я отбываю по делам, а мне еще нужно многое сделать до отплытия. Повозку

разгрузили, следовательно, я могу вернуться в город. – Его взгляд напомнил Эмме о его репутации свирепого человека. – Надеюсь, вы позаботитесь о моем друге, мисс Уорд. – Он кивнул Драйдену: – Рен, загляну к тебе по возвращении.

Отлично. Скандально известный Шерард на короткой ноге с ее гостем и, похоже, хочет воспользоваться этим обстоятельством, чтобы чаще бывать в ее доме. Эмма испытала очередной укол совести. Не следовало оставлять Драйдена одного в порту. До добра это не довело.

Вовсе не нужно, чтобы ее новый деловой партнер водил близкое знакомство с Шерардом, особенно учитывая слухи, которые о ней распространяют. Другое дело, что люди не верят в них слепо, хотя наличие кривотолков – достаточный повод для того, чтобы бросить тень на ее репутацию. Она привлекает слишком много внимания, не желательного для благовоспитанной женщины. Присутствие Шерарда лишь усугубило ее неприязнь к гостю из Лондона. Шерард явно ведет себя так, будто Драйден со своим пятьюдесятью одним процентом здесь всему хозяин, и не важно, что фактически так оно и есть. Она, Эмма, живет на плантации, следит за посевом и ростом сахарного тростника. Прибудь Драйден несколькими днями позже, он и сбор урожая бы пропустил. Как он вообще посмел явиться без предупреждения и претендовать на плоды ее труда?

подавив разбушевавшиеся эмоции, Эмма повела гостя через дом к задней веранде. Слово «гость» ей очень нрави-

лось. Именно в таком качестве она и будет воспринимать Драйдена. Куда лучше, чем называть его мистер Пятьдесят Один Процент. Что самое главное, гости – явление временное. Она даст ему это понять, будьте уверены!

А в это самое время Рен думал, что мог бы провести здесь целую вечность! Попивая прохладный лимонад, он смаковал его вкус и радовался освежающему ветерку. Дела идут на лад! Когда Китт повернул повозку к «Сахарной земле», белый хозяйский дом приятно поразил Рена, так что рассказы о ведьмах и магии почти выветрились из его головы.

На него нахлынуло ощущение принадлежности к этому месту, некоего родства, и у него вдруг появилась уверенность в том, что он действительно сможет здесь преуспеть. Это было интуитивное чувство, и оно его удивило, поскольку в жизни он всегда руководствовался соображениями логики и здравого смысла.

В крови вдруг забурлило откровенное примитивное желание обладать. «Мое, мое, мое», – пело его сердце. Потом на крыльце появилась она, и стремление обладать приобрело иной, более чувственный оттенок. Трудно возражать против вторжения, если троянский конь выглядит, как Эмма Уорд.

– Она не похожа на ведьму, – заметил Рен Китту чуть слышно.

– Так всегда и бывает, – со смехом отозвался тот, спрыгивая с повозки. – Если бы ведьму было легко узнать, ее чары

не были бы столь действенными...

Потягивая лимонад, Рен думал о будоражащей воображение Эмме Уорд, сулящей одни неприятности. В ней была заложена природная чувственность, это проявлялось в том, как она покачивала бедрами, когда вела его по просторным коридорам на веранду, в ее черных волосах и экзотических раскосых, почти кошачьих карих глазах. Всем своим существом она демонстрировала животное сладострастие, искушая мужчину преступить рамки дозволенного.

Эта женщина не девственная английская роза. Она гораздо лучше и хуже одновременно. Возможно, она и правда ведьма. С выводами придется подождать. Рен поднял бокал.

– За будущее, мисс Уорд.

Слишком уж она молчалива для человека, намеревавшегося обсудить дела. Возможно, он неправильно понял. Рен решил сделать еще одну попытку разговорить ее.

– Вы ведь мисс Уорд, я не ошибся?

– Да, именно так меня и следует называть, – лаконично ответила она, едва заметно улыбнувшись одними губами. Глаза ее при этом оставались вежливо непроницаемыми.

Возможно, ее холодность – результат его внезапного приезда. Она его не ждала и теперь ведет себя настороженно. В самом деле, он для нее незнакомец, нежданно-негаданно свалившийся на голову и объявивший о намерении жить в ее доме.

– Понимаю, что мое появление стало для вас чем-то вро-

де шока, – доверительным голосом начал Рен. Он верил в справедливость поговорки о том, что медом можно приманить куда больше пчел, чем уксусом. Незачем вынуждать мисс Уорд оправдываться без причины. – Я испытываю схожие чувства. Кузен Мерримор ни словом не обмолвился о совладельце в своем завещании, поэтому наша встреча и стала для нас обоих большой неожиданностью. – Он одарил ее улыбкой, которой обычно потчевал чопорных великосветских матрон, заставляя их смягчиться и пересмотреть свое мнение о нем. С мисс Уорд этот прием не сработал.

– Буду с вами откровенна, мистер Драйден. Подозреваю, что нахожусь в чуть более выгодном положении, потому что ваше имя не было мне незнакомо. Мерри особым образом упоминал вас в своем завещании.

Рен был заинтригован. От его внимания не укрылась обличающая Эмму подробность – в отличие от него, она о нем знала! Можно извинить его внезапный приезд, учитывая, что он понятия не имел, кому следует о себе сообщить, но она-то была осведомлена о его существовании и могла бы переслать ему копию завещания, однако предпочла этого не делать.

Рен усмехнулся. Интересно, как она поступит, если он обвинит ее в утаивании сведений?

– Вот, значит, как, мисс Уорд. Даже зная мое имя, вы решили предоставить мне право самому искать сюда дорогу.

Рен напомнил себе об осторожности, потому что мисс

Уорд, похоже, уже заняла оборонительную позицию, что для женщины довольно необычно. Учитывая обстоятельства, она должна была бы встретить его с распростертыми объятиями, ожидая, что он снимет с ее плеч ответственность по единоличному управлению плантацией. Должно быть, несладко ей здесь пришлось в течение четырех месяцев в одиночестве.

Его прямое замечание вогнало ее в краску. Что ж, хорошо. Значит, намек понят. Еще одно свидетельство того, что мисс Уорд – достойный противник.

– На носу сезон сбора урожая. Вряд ли я могла себе позволить просиживать долгие часы на пристани в ожидании судна, которое может и не привезти того самого человека.

Ничего не поделаешь, справедливое замечание.

– Даже если бы это был ваш родственник? – сделал еще одну попытку Рен. Действовал он скорее наудачу. Просто ему было любопытно, насколько важны для Эммы Уорд семейные узы. Без сомнения, с Мерри она была знакома куда ближе, чем он сам. Интересно, чем объясняется эта фамильярность? Была ли она его любовницей? Или просто дальней родственницей вроде него самого? Рен встречался с кузеном Мерримором, а именно так старик звался в семье Драйден, возможно, раза три, причем последний был восемь лет назад, когда Рен окончил Оксфорд.

Эмма Уорд коротко, но сдержанно хохотнула, и у Рена возникло подозрение, что разговор пошел по нежелательно-

му руслу.

– Мы с вами не связаны родственными узами, мистер Драйден. До того как я достигла совершеннолетия, Мерри был моим опекуном. Мы с ним очень подружились.

Ее слова не дали Рену никакой подсказки. По собственному опыту он знал, что «дружить» можно по-разному, не исключая и любовных отношений. Маловероятно, однако, чтобы кузен Мерримор поступил неподобающим образом в отношении собственной подопечной.

– Прошу вас, зовите меня Рен, – напомнил он и, стараясь извлечь максимальную пользу из ее слов, добавил: – Я бы хотел, чтобы и мы с вами стали друзьями. – Усмотреть в его предложении двойственный контекст она могла только в случае, если ее отношения с кузенем Мерримором выходили за рамки допустимых.

– В настоящее время мы деловые партнеры, – твердо ответила она, избегая личной темы.

Рену, напротив, хотелось засыпать ее вопросами. Как, например, убежденный холостяк вроде его древнего кузена умудрился стать чьим-то опекуном? И почему она не покинула остров по достижении совершеннолетия? Наверняка Мерримор отправил бы ее в Лондон.

Что ж, с расспросами придется подождать до тех пор, пока не удастся завоевать доверие мисс Уорд. Ничего, он над этим поработает. В Лондоне Рен привык производить благоприятное первое впечатление, когда ему это было нужно, но

чаще случалось наоборот – женщины старались увлечь его. Эмма Уорд, к сожалению, не тот случай.

С другой стороны, на Барбадосе никто не знает его титула. Наследница из Йорка ясно дала понять, что согласна выйти за него замуж только из-за его генеалогического древа, а ее отец готов выложить умопомрачительную сумму за возможность породниться с благородными людьми и получить внука голубых кровей. Рену претила мысль о необходимости стать аристократическим жеребцом-производителем. Зато его могла бы заинтересовать женщина, которой нет до его предков никакого дела.

Усмехнувшись, Рен опустил бокал, готовясь проверить свою теорию. С первых минут знакомства Эмма Уорд пытается привести его в замешательство. Теперь его черед.

– Мисс Уорд, мне кажется, вы не были до конца откровенны со мной.

Он обрадовался, заметив промелькнувшую в ее глазах опасливую тень.

– В чем именно, мистер Драйден? – холодно осведомилась она.

– Вопреки сказанным вами словам, моему приезду вы вовсе не обрадовались. Я нахожу это странным, учитывая, что мы с вами прежде не встречались. – Джентльмен никогда бы не позволил себе подобного замечания, но, как она верно заметила, их связывают деловые отношения. И для него на кон поставлено слишком многое.

Мисс Уорд пронзила его мрачным взглядом.

– Если вы сочли оказанный вам прием неудовлетворительным, прошу меня извинить.

– Что-то не слышно в вашем голосе сожаления, – продолжал настаивать Рен. Раз она хочет бросить ему вызов, пусть сделает это открыто. Он готов бороться в честном бою, но не потерпит агрессии исподтишка, даже от хорошенькой женщины.

В ее глазах полыхнуло темное пламя, рот приоткрылся, готовясь произнести слова опровержения... Но в этот момент раздался грохот взрыва. Вздогнули оконные стекла, на столе зазвенели бокалы. Вскрикнув, Эмма вскочила со стула и подбежала к окну.

Рен последовал ее примеру, внутри у него все сжалось от дурного предчувствия.

– Вон там! – Он указал на появившийся в отдалении огромный столб дыма.

– О боже, только не приусадебная ферма! – горестно вскричала Эмма, выбегая с веранды.

Выбежав на крыльцо, она потребовала подать ей лошадь.

Рен поспешал следом.

– Забудьте о седле, на него нет времени! – велела Эмма, но ее никто не слушал.

На конюшне царил сущий хаос. Люди пытались успокоить испуганных взрывом лошадей. Рен вывел крепкую на вид кобылу из стойла.

– Эмма, давайте я вас подсажу!

Она наступила на его сложенные лодочкой ладони и мгновенно оказалась верхом на лошади. Рен пристроился у нее за спиной. Схватив поводья, он ударил пятками в бока кобылы, и та галопом поскакала из конюшни.

При других обстоятельствах Рен оценил бы удовольствие, сидя верхом на лошади, держать в кольце своих рук очаровательную женщину. Но сейчас не мог думать ни о чем ином, кроме взрыва. Он едва успел прибыть на плантацию, а его пятьдесят один процент уже объят пламенем!

Глава 3

На приусадебной ферме царили беспорядок и смятение. Рен спрыгнул с лошади и помог спешиться Эмме, после чего осмотрел место происшествия. Повсюду стелился дым, отчего казалось, что пожар разгорелся сильнее, чем был на самом деле. Из-за плохой видимости трудно было сказать наверняка, насколько велики будут разрушения. Перепуганные работники метались в бесплодных попытках бороться с пламенем. Рен их не осуждал – в подобной ситуации многие могли растеряться, но он был не из таких. В нем немедленно сработал природный инстинкт человека, привыкшего отдавать приказы.

Остановив пробежавшего мимо мужчину, он скомандовал: – Постройте людей в цепочку для передачи ведер! – Рен подтолкнул мужчину в сторону большой бочки с дождевой водой и стал направлять туда всех, кто встречался ему на пути, покрикивая: – Бери ведро, вставай в линию! Нужно задержать пламя, не дать ему перекинуться на другие постройки.

Распространение огня привело бы к катастрофическим последствиям.

Отыскав глазами мелькающие в толпе черные волосы и светлое платье, Рен убедился, что беспокоиться об Эмме не придется. Она прекрасно владела собой и ситуацией.

Молодая женщина уже отдала необходимые распоряжения нескольким работникам отвести домашний скот подальше от пламени. Оценив ее разумные действия, Рен принял самое живое участие в тушении пожара. Он встал во главе людской цепочки, оказавшись ближе всех к огню.

Рен хватал ведро за ведром и выплескивал воду на огонь. Выполнение этих нехитрых действий поглотило его целиком.

Спустя полчаса борьбы с пожаром у него заныли плечи и спина от бесконечных подъемов тяжелых ведер, но это принесло видимые плоды.

Решив, что дело завершат без него, Рен отошел в сторону и осмотрелся в поисках Эммы. Она стояла посреди двора и разговаривала с высоким мускулистым африканцем и белым человеком в сапогах и костюме для верховой езды. Он держал под уздцы лошадь. Этот вновь прибывший пропустил все «веселье» тушения пожара. Его одежда, в отличие от покрытого копотью и безвозвратно испорченного платья Эммы, была чистой. Их беседу никак нельзя было назвать дружеской. Эмма яростно размахивала руками и качала головой в ответ на что-то, сказанное мужчиной. Кем бы он ни был, ей он явно не нравился.

Рен зашагал к маленькой группе. Не для того, чтобы прийти Эмме на выручку, – она ясно дала понять, что может сама справиться с любой ситуацией и предпочитает действовать

в одиночку, – а ради защиты собственных интересов. Любая угроза для Эммы может представлять угрозу и для плантации. Следовательно, Рен должен вмешаться.

Что он незамедлительно и сделал.

– Вы знаете, что произошло? – обратился он к Эмме, чей внешний вид пребывал в плачевном состоянии: платье в нескольких местах разорвалось по подолу и разошлось по шву, так что в прорехах виднелась белая сорочка, волосы растрепались и упали на плечи. Но вот что странно: даже в грязном платье и с растрепанными волосами она выглядела соблазнительно. Это невероятно возбуждало Рена.

– Знать не знаю, – отозвался высокий африканец. – Мы работали, когда раздался взрыв. – Он щелкнул пальцами. – И сарай взлетел на воздух. Без предупреждения. – Он покачал головой.

– Там был курятник, – пояснила Эмма. – Часть цыплят мы потеряли, но остальные, к счастью, гуляли по двору.

Рен кивнул. Они легко отделались, могло быть гораздо хуже. А тут всего несколько цыплят и сарай. Неприятно, конечно, но они справятся. Могли бы лишиться сена, коров, съестных припасов, даже людей. Пожары на ферме всегда опасны.

Поняв, что Эмма не собирается представлять его вновь прибывшему, Рен сам протянул руку:

– Я Рен Драйден, кузен Мерримора.

Незнакомец с улыбкой пожал ему руку. Это был высокий крепкий человек лет сорока.

– А я сэр Артур Гридли, ваш сосед с юга. Вы подросли вовремя. – Он бросил на Эмму по-дружески снисходительный взгляд. Вероятно, именно поэтому она и не торопилась представлять мужчин друг другу.

– Наша Эмма борется за плантацию с тех самых пор, как Мерримор отдал Богу душу. Беды валятся на девочку одна за другой. Она, как магнитом, притягивает неприятности: то лошадь занеможет, то у телеги колесо соскочит, то на мельнице оборудование из строя выйдет. Мы все хотим помочь, но Эмма, упрямецкая такая, отказывается.

В ответ на слова соседа Эмма сердито поджала губы. Рену стало интересно, что ей больше всего пришлось не по душе: то, что о ней говорят, словно ее здесь нет, или то, что чужаку вроде него были раскрыты ее слабости. Хорошенько подумав, Рен пришел к выводу, что, быть может, ей просто не нравится Гридли.

Этот человек выглядел вполне добропорядочным и выказывал похвальное стремление по-добрососедски помочь женщине, попавшей в беду, но Эмма во время разговора придвинулась ближе к Рену. Поближе к Рену или подальше от Гридли? Возможно, их отношения не такие, какими видятся стороннему наблюдателю. Он подумает над этой загадкой позже. А сейчас главное – разобраться с последствиями взрыва.

– Пойду покопаюсь в обломках, может, пойму, что стало причиной пожара. Помощи буду только рад, – добавил он,

давая возможность Гридли показать себя в деле. Интересно, чем он не угодил Эмме? Может, она в принципе терпеть не может мужчин – или только тех, кто представляет угрозу ее власти?

Рен зашагал к останкам курятника, Гридли за ним с одной стороны, Эмма – с другой.

– Ищем все, что могло бы спровоцировать взрыв: провод, предохранитель, спичку. Не думаю, что пламя достигло высоких температур, поэтому улики, вероятно, сохранились.

Его слова были обращены главным образом к Гридли, но именно Эмма отважно выступила вперед, готовясь копаться на пепелище. Рен выставил руку, чтобы остановить ее.

– Не вы, мисс Уорд. Вы и так практически погубили свои туфельки. Угли прожгут вам подошвы. Лучше идите с людьми поговорите, они ведь вас знают. Возможно, кто-то вспомнит, что незадолго до взрыва у курятника происходило что-то необычное.

Она пронзила его яростным взглядом. Своим замечанием он еще больше настроил ее против себя, но все же она ушла. Уступая его просьбе или потому, что хотела оказаться подальше от Гридли? Любопытно, как бы она себя повела, если бы этого человека тут вообще не было?

Раскапывать останки курятника оказалось куда сложнее, чем полагал Рен. Он надеялся, что определить причину возгорания труда не составит – постройка-то, как-никак, невелика и обломков не много.

Некоторое время спустя Рен убрал волосы со лба грязной потной ладонью и осмотрелся вокруг. Они почти закончили, но так ничего и не обнаружили. Как вдруг Гридли, копающийся на пепелище в нескольких футах от Рена, подал знак.

– Кажется, я кое-что нашел, – провозгласил он достаточно громко, чтобы привлечь к себе внимание, и помахал в воздухе какой-то серой тряпицей.

Работавшие поблизости люди заохали и испуганно попятнулись. Краем глаза Рен заметил спешащую к ним Эмму.

Он принял находку из рук Артура Гридли и внимательно ее осмотрел.

– Что это такое? Похоже на детскую куклу. – Причем, сделанную довольно грубо. Всего лишь кусок ткани, скрепленный крупными размашистыми стежками для придания сходства с человеческой фигурой.

Гридли с Эммой переглянулись, будто бросая друг другу вызов. Когда Эмма заговорила, голос ее дрожал от гнева:

– Это магия обеа. Талисман, привлекающий несчастья. – Она смотрела на Гридли взглядом, полным негодования.

– Бедняжка Эмма! – со вздохом отозвался Гридли. – Этого вам только не хватало. – Он шагнул вперед, чтобы положить руку ей на плечо, но она резво попятилась, нечаянно наступив Рену на ногу. Гридли прищурился, однако ничего не сказал и сделал вид, будто ничего особенного не случилось.

– Эта кукла не могла стать причиной пожара, – вмешался

Рен, чтобы не дать их личной вражде разгореться. Он прощупал куклу пальцами. Что-то было не так, но он пока не мог уразуметь, что именно.

Гридли невесело усмехнулся:

– Я не уверен в том, что причина пожара имеет значение. Как, впрочем, и погубленный курятник. В данном случае опасен вовсе не огонь. – Кивком он указал на горстку людей, собравшихся за спиной высокого африканца. – Боюсь, к следующему утру Эмма лишится всех своих работников, потому что они верят в могущество магии обеа.

Напряжение между Эммой и Гридли стало осязаемым. Гридли принялся переминаться с ноги на ногу, и Рен окинул его быстрым взглядом с головы до ног, заметив образовавшийся в паху бугорок. Гридли извечным мужским жестом пытался одернуть сюртук спереди, чтобы скрыть растущее возбуждение. Рен поспорил бы на последнюю гинею, что, несмотря на показное добродушие, «сосед с юга» питает к Эмме гораздо больший интерес, чем она к нему. Если это слово вообще применимо к данной ситуации.

К ним робко приблизился высокий африканец.

– Мисс Эмма, никто не хочет больше сегодня работать. Целителям нужно время, чтобы очистить двор и снова сделать его безопасным.

Гридли сплюнул себе под ноги.

– Вы получаете деньги...

Эмма поспешно перебила его, не трудясь скрывать своей

антипатии:

– Это моя плантация, и я сама здесь со всем разберусь.

Рен не мог не отдать ей должного. Даже в растрепанном виде она не утратила уверенности в себе. Эта женщина отлично знала, что делать в критической ситуации.

Эмма шагнула к бригадиру, оставив Рена и Гридли позади:

– Питер, сообщи людям, что на сегодня они свободны. Пусть займутся своими делами. Но дайте им понять, что завтра они все должны вернуться к работе. Если урожай не будет собран вовремя, мы все окажемся в проигрыше и нечем будет оплатить счета.

– Вы слишком великодушны с ними, – вполголоса обратился к ней Гридли.

Он явно ступил на опасный путь. Неужели не видит, что Эмма нарывается на конфликт? Но, возможно, именно конфликт ему и требуется для подпитки страсти. Бывают и такие мужчины.

Эмма запальчиво вздернула подбородок, и Рену стало немного жаль Гридли.

– Позвольте мне совершать свои собственные ошибки. В завещании указано мое имя, а не ваше. А теперь прошу извинить, я иду домой, мне нужно привести себя в порядок.

Подсаживая Эмму на лошадь, Рен мысленно ликовал. Как решительно она отделалась от сэра Артура Гридли, тем самым приведя его в бешенство. Быть может, он ожидал при-

глашения на чай? Скорее всего, нет, ведь Эмма не скрывает своей неприязни к нему. На чай она его, вероятно, вообще никогда не приглашала. Что-то за всем этим кроется – подобная антипатия не возникает в одну минуту.

Веселости у Рена поубавилось, когда дома Эмма проделала с ним тот же трюк, что и с Гридли. Сказала, что хочет принять ванну и поужинать в одиночестве у себя в комнате. Рен ведь не станет возражать, учитывая, каким долгим и трудным выдался день?

У него не было выбора, пришлось уступить ее желанию. Как же изящно она разыграла утонченную барышню! Наблюдать забавно, поверить невозможно, ведь он видел ее в действии. Женщина, владеющая собой так, как Эмма, едва ли станет отказываться от компании за ужином. Все же он притворился джентльменом и не стал с ней спорить. Домашние слуги Эммы проводили его в отведенные ему покои.

Переступив порог комнаты, Рен сразу сообразил, в чем заключалась хитрость. Плутовка Эмма не только отделалась от него, препоручив заботам слуг, но и загнала в самый дальний угол дома, однако пожаловаться Рену было не на что. Его ведь не на чердаке поселили, да и дом оказался не настолько большим, чтобы в нем можно было заблудиться. Тут было дело принца.

Холостяцкие покои – *garçonnière* – были позаимствованным у французов новшеством, представляющим несколько

просторных комнат, специально отводимых для неженатых сыновей хозяина дома. На первый взгляд подобный прием давал практическое решение проблемы размещения гостей мужского пола, но, по сути, идея заключалась в другом. Рен мог пользоваться отдельным входом, не беспокоя обитателей основной части дома и не сталкиваясь с ними. Рен подозревал, что именно последнее и было главной причиной того, что его здесь поселили.

Лакей Майкл предложил помочь распаковать вещи, но Рен отослал его. Ему требовалось побыть в одиночестве, чтобы как следует обдумать случившееся за день. Рен развязал шейный платок и снял жилет. Наедине с самим собой церемонии излишни.

Осознание своего одиночества накрыло его с головой, когда он раскладывал нижнее белье по ящикам комода. Впервые в жизни он оказался предоставленным самому себе, без семьи, друзей и титула, который здесь всего лишь пустой звук. Нет даже возможности для привычного проведения досуга. Дорого бы он дал за спокойный вечер в своем клубе и возможность посмеяться с Бенедиктом за стаканчиком бренди. Рен вытащил привезенные с собой личные вещи: доску для игры в нарды и письменный прибор. Нужно написать письмо семье, сообщить, что добрался благополучно. Он переставил мебель по своему вкусу, чтобы уютнее чувствовать себя в новой обстановке. Нравится Эмме Уорд или нет, он наложит на это место свой отпечаток и начнет со своих ком-

нат.

Надо признать, не такого приема он ожидал. Эффект неожиданности сыграл ему на руку, лишив Эмму возможности спрятаться за помпезностью тщательно спланированной церемонии. Вынужденная действовать по обстоятельствам, она показала свое истинное лицо. Но и Рен был немало удивлен. Готовясь иметь дело с консорциумом дельцов, он никак не ожидал, что, помимо него, окажется всего один акционер. Он-то надеялся, что люди будут рады его приезду, возможно, испытают облегчение оттого, что с их плеч снимут тяжкую обязанность управления плантацией. Реальность оказалась иной. Эмма Уорд явно не горела желанием ни разделить с ним власть, ни расстаться с ней.

Рену стало интересно, что скрывает эта женщина. Достав бритвенный прибор, он продумывал план атаки. Будь на месте Эммы другая женщина, он предпочел бы вести себя вежливо и обходительно, но с ней такая тактика имела бы катастрофические последствия.

С Эммой нужно обращаться строго и жестко. Он ведь видел, с каким неприкрытым презрением она обошлась с Артуром Гридли. Готова съесть его живьем за то, что он хотел выставить ее нежным созданием вроде цветка. Это позабавило Рена. Если Эмма и цветок, то из тех, что заманивают ничего не подозревающую добычу, а потом плотно смыкают лепестки и держат в плену, из которого невозможно улизнуть.

Скоро она поймет, что он не дурак и не намерен играть в ее игры. Плохими манерами его не испугать. Если Эмма Уорд решила, будто холодный прием заставит его собрать вещи и уехать, ее ждет сюрприз. Она понятия не имеет, какие перспективы поджидают его в Англии – этого даже Китт не знает, и ее холодная враждебность не идет ни в какое сравнение с благородной бедностью, грозящей поглотить его, если он не преуспеет на плантации. Его сестры останутся старыми девами за неимением хорошего приданого или будут вынуждены связать себя узами брака с сомнительными мужчинами, потому что никто другой не захочет взять их в жены. Поместье постепенно придет в упадок из-за нехватки средств, чтобы чинить крыши и заменить обветшавшую мебель, а арендаторы уедут в поисках более плодородных полей.

Благородная бедность – это смертный приговор с отсрочкой исполнения, но Рен не сдастся без боя. Он будет бороться изо всех сил ради блага своей семьи. Даже если бы он мог уехать из «Сахарной земли» – а он не может, – даже если бы его семья не зависела от его успеха здесь – а она зависит, – речь идет о пятидесяти одном проценте, о его будущем. Так что он останется из практических и принципиальных соображений.

«Рену Драйдену нечего здесь делать!» – решительно рассудила Эмма, погружаясь в пенную ванну. Однако, вспоминая, как Рен боролся с пожаром, она вынуждена была при-

знать, что он хорошо потрудились. Даже слишком хорошо. Как прирожденный лидер, он выстроил людей в цепочку для тушения пламени и сам встал впереди, работая наравне с другими. «Возможно, испугался за сохранность своего пятидесяти одного процента», – подумала Эмма, намыливая руки. Люди прониклись к нему уважением. Она прочла это на их лицах, когда он отдавал приказы. Но ей совсем не нужен харизматичный мужчина, способный свести на нет долгие годы ее упорного труда.

Знай он правду, все бы здесь присвоил себе. Как бы ей хотелось нарисовать для него идиллическую картину и уверить, что ему можно возвращаться домой. Но, как назло, загорелся курятник, на пожарище обнаружилась кукла-обеа, и Гридди подлил масла в огонь своим жалостливым восклицанием «Бедняжка Эмма!», едва все окончательно не испортил. Если Драйден решит, что его инвестиции в опасности, она от него никогда не избавится. Он уже продемонстрировал недюжинные задатки защитника, способного при необходимости превратиться в воина, который станет бороться за то, что ему дорого.

Эмму вдруг охватил жар, не имеющий ничего общего с горячей водой в ванне. Этот мужчина сводит ее с ума. Даже во время пожара она ни на секунду не забывала о его присутствии. Она незаметно следила за ним взглядом, любовалась игрой мышц его рук, когда он, закатав рукава рубашки, передавал ведра с водой. Она отметила и испачканный сажей

подбородок, и блеск в глазах, когда он выкрикивал приказы. А какие ощущения она испытала, когда скакала с ним на одной лошади, прислоняясь спиной к его груди!

То был очень чувственный опыт. Она сидела у него между бедрами, и ее ягодицы терлись о его пах. Драйдена их близость ничуть не смущала, наоборот, раскрепощала. Ему удобно в своем теле, он сознает его привлекательность и способен на многие подвиги, наверняка и в постели тоже.

Не следует позволять себе такие неподобающие мысли о госте, особенно если хочешь поскорее его спровадить. Эмма подозревала, что является не единственной женщиной, мечтающей оказаться в объятиях Рена Драйдена. Он из тех мужчин, кто способен одним взглядом и прикосновением спровоцировать самые жаркие фантазии.

«Он опасен!» – подсказывал ей внутренний голос. Особенно для женщины вроде нее, ценящей независимость и не желающей, чтобы ее опекали. Опека означает некий кокон, щит, который ей вовсе не требуется. Дай она слабинку – и Рен Драйден подорвет ее устои лишь потому, что это в его силах. В интересах Эммы придерживаться раз и навсегда выбранной тактики – игнорировать его, когда возможно, и сопротивляться, когда игнорировать невозможно.

Тем временем нужно продолжать жить, как будто ничего особенного не случилось. Хоть бы работники вышли завтра для выжигания полей перед сбором урожая, как планировалось!

Выжигание полей! Эмма резко села в ванне, так что вода и пена выплеснулись на плиточный пол. Следовало сообщить Рену! Но теперь слишком поздно. Она ведь уже попрощалась с ним сегодня, и если решит пойти сейчас к нему, то ей придется прежде одеться. Не бегать же по дому в ночной сорочке! Рен может решить, что она пересмотрела свое отношение к нему, а это совсем не соответствует действительности. Рен Драйден подобен искре, которую лучше не тревожить, чтобы самой не сгореть в пламени.

Глава 4

Пожар! Рен поспешно вскочил с кровати, встревоженный страшным жаром, зловонием, слепящей дымовой завесой. Мозг отчаянно заработал. Тедди! Сестры! Нужно их спасти! Его охватила паника, он ощутил мощный выброс адреналина в кровь.

Он вскочил с кровати и в темноте налетел на ее ножку, пребольно ударив палец и разразившись проклятиями. За полуприкрытыми планками жалюзи плясали оранжевые языки пламени. Запах гари стал отчетливее. Так пахнут сжигаемые листья. Рен запаниковал еще сильнее, поняв, что он не в Англии. Тедди и сестры в безопасности, а вот поля...

Подняв жалюзи, он в ужасе уставился на представшую его глазам картину. На сей раз горел не курятник, а тростниковые поля. Его тростниковые поля! Огонь пожирает его богатство! Рену с трудом удалось подавить приступ паники. Он вспомнил все, что прочитал перед тем, как отправиться на плантацию. Этот пожар создан намеренно, как подготовительная ступень перед сбором урожая, так как необходимо выжечь листья и внешнюю восковую оболочку тростника для облегчения жатвы и обмолота.

Опершись руками о подоконник, Рен задышал глубоко и размеренно, избавляясь от последствий шока. Его семья на другом конце света в безопасности. И эти поля тоже. Все хо-

рошо. Но паника его вполне понятна. Осознание происходящего ничуть не умаляет опасности огня и не уменьшает запаха гари. Рассветное небо почернело от клубов дыма, на фоне которых оранжевое пламя казалось особенно угрожающим. Нетрудно было воспринять пожар как новую угрозу, особенно если ты еще не вполне очнулся от беспокойного сна.

Возможно, на то и был сделан расчет? По зрелом размышлении Рен решил, что Эмме следовало бы предупредить его о выжигании полей, так же как и написать ему в Англию и ввести в курс дела. Она снова предпочла этого не делать, предоставив ему самому разбираться, что к чему.

Рен пришел в себя и сообразил, что полностью обнажен, поскольку предпочитал спать голым и не видел причин изменять своим привычкам в новом месте. Поддайся он панике и выскочи в таком виде за дверь, мисс Уорд ждал бы хорошенький сюрприз. Что ж, обнаженного сюрприза она так и не получит, а вот одетого скоро увидит. Нужно показать, как сильно она ошибается, полагая, что может выжигать поля, не поставив в известность совладельца, и подталкивая тем самым к роли глупого несведущего новичка.

Рен, не торопясь, натянул бриджи и чистую рубашку, потом сапоги и сюртук, чтобы ни у кого не создалось впечатления, будто он поспешно вскочил с постели и бросился спасать поля. Нужно показать Эмме, что он ничуть не запаниковал.

Выйдя из дома, Рен заметил горстку людей, собравших-

ся на краю поля, и зашагал к ним. Они стояли на безопасном расстоянии от пламени и спокойно наблюдали за его распространением, что подтвердило подозрения Рена: пожар организован намеренно. Все три головы повернулись при его приближении, и не все оказались мужскими. Разумеется, Эмма тоже здесь. Стоит между двумя мужчинами, волосы заплетены в косу, переброшенную через плечо, одета в мужские бриджи, рубашку, обута в высокие сапоги. Этот наряд отлично подчеркивает ее длинные ноги и высокую крепкую грудь, что ничуть не способствует укреплению его эрекции.

Бросив на Рена холодный взгляд, Эмма сообщила:

– Сегодня мы выжигаем поля.

Выжигаем поля, его кровь, его терпение. Не слишком ли много огня для одного утра?

Предпочтя проигнорировать исходящую от нее враждебность, Рен решил заострить внимание на выбранном ею местоимении.

– Мы? Странный выбор слова, учитывая, что меня вы не поставили в известность и оставили в постели.

Эмма покраснела:

– Я не оставляла вас в постели в том смысле, на который вы намекаете. У вас было тяжелое плавание, и я решила, что вам не помешает как следует отдохнуть. – С этими словами она повернулась к мужчинам: – Мистер Паулсен, Питер, позвольте представить вам мистера Ренфорда Драйдена, кузена Альберта Мерримора. Он прибыл вчера вечером. Мистер

Драйден, это мой управляющий мистер Паулсен и полевой бригадир Питер, с которым вы уже встречались накануне.

Паулсен был высоким худощавым мужчиной с задубевшей от многолетнего пребывания на солнце кожей. Питер оказался мускулистым африканцем с фермы. Рен пожал мужчинам руки и попытался завязать дружеские отношения:

– Рад знакомству. В ближайшем будущем мы с вами обсудим состояние дел на плантации.

Это высказывание заставило Питера переступить с ноги на ногу и поспешно потупитья, а мистера Паулсена неуверенно кивнуть. Рен благосклонно отметил их преданность Эмме и нежелание предавать ее интересы. Но сопротивление есть сопротивление. Значит, они всего в шаге от противостояния. Решив склонить их на свою сторону, Рен с улыбкой пояснил:

– Я теперь главный акционер. Мисс Уорд, разумеется, станет оказывать мне всяческую поддержку, но не стоит забывать о смене курса. – Рен мрачно посмотрел на Эмму. – Теперь мы партнеры.

Партнеры, как же! Так и до диктатуры недолго докатиться! Скрестив руки на груди, Эмма мрачно взирала на окутанные дымом поля. Он хочет воевать, что ж, она не уступит. Это «партнерство» следует задушить в зародыше, но прежде им с Драйденом нужно вернуться в дом. Не станет же она ссориться с ним при свидетелях!

Она вовсе не была наивной и понимала, что борьба предстоит нешуточная. Последнее замечание Драйдена было предупреждением, и теперь он заставляет ее сделать ответный ход. Весь имеющийся у нее скудный запас терпения Эмма израсходовала за четыре месяца ожидания возможного прибытия Драйдена. И похоже, с ожиданием еще не покончено.

Эмма ждала окончания выжигания, вернее, того его этапа, когда дело можно будет препоручить в опытные руки мистера Паулсена, ждала, пока они с Драйденом шли к дому. Ждала во время позднего завтрака, ждала, пока он утолит голод яичницей и тостами с маслом.

Откусив от тоста, Рен посмотрел на нее, вопросительно изогнув бровь:

– Вы хотите мне что-то сказать?

– Нет, а вы мне? – Эмма глотнула кофе, надеясь усмирить охватившую ее злость. Пусть Драйден начнет первым.

– Я не сообщу вам ничего такого, чего бы вы прежде не знали. – Он пристально посмотрел ей в глаза. В его взгляде полыхало пламя. – Сегодня утром вы пытались выставить меня дураком, – ровным тоном произнес он. – Нам обоим это известно. Вы намеренно умолчали о выжигании полей.

Эмма призвала на помощь все свое хладнокровие.

– Я уже разделась, готовясь ко сну, к тому времени, как вспомнила об этом. – Эмма заранее отрепетировала эту фразу, но сейчас она показалась ей неубедительной, хуже того, провокационной, а Рен успел продемонстрировать ей склон-

ность к двусмысленностям. Подобное замечание он точно без ответа не оставит.

– Вот как? – Его взгляд был серьезен, но на губах играла едва заметная улыбка, навевающая образы, слишком интимные для завтрака. Он раздевал ее взглядом, оставляя беззащитной перед его мыслями, впрочем, и перед ее мыслями тоже.

Эмма опустила взгляд.

– Не могла же я разгуливать по дому в ночной сорочке. – Своим замечанием она только сделала хуже, хотя обычно за словом в карман не лезла. Но не сегодня. Не с этим мужчиной.

– Я тоже готовился ко сну, – сухо ответил Рен. – И на мне не было даже сорочки. Если бы вы пришли, сочли бы себя чрезмерно одетой. – Его слова заставили ее резко вскинуть голову, на щеках появился предательский румянец. – Я сплю голым, Эмма. На случай, если вам интересно.

– Неинтересно, – отрезала Эмма. И солгала. Она в самом деле подумала об этом, и теперь воображение услужливо предложило ей образы обнаженного Рена Драйдена.

– Я вам больше скажу. Когда я проснулся, едва не выскочил в поле в чем мать родила. И кто бы тогда неловко себя почувствовал? Я, в стремлении спасти урожай, позабывший о том, что нужно одеться, или вы, не соизволившая меня предупредить?

Щеки Эммы пылали ярким пламенем, ее неотвязно пре-

следовали соблазнительные видения обнаженного Рена.

– Полагаю, мы придаем безобидному эпизоду слишком большое значение. – Она постаралась произнести фразу ровным тоном. Покраснела она или нет, но не позволит ее допрашивать! И не допустит, чтобы он выставил себя героем, избавившим ее от весьма неловкой ситуации.

Рен пронзил ее пронизательным взглядом.

– Эпизод-то, может, и безобидный, но, увы, не единственный. В прошлом... – он выдержал паузу и со щелчком открыл карманные часы, будто что-то подсчитывая, – не далее как восемнадцать часов назад, когда я только приехал, вы мне заявили, что я нежеланный гость. Но я все же здесь, и мы станем партнерами. Советую вам оставить попытки дискредитировать меня.

– Приношу извинения, если у вас создалось такое впечатление, – ответила Эмма, но в ее тоне не было ни нотки раскаяния.

К несчастью, Драйден оказался достойным противником, схватывающим все буквально на лету. Но она в этом ни за что не признается. Нужно придумать новый план. Простым игнорированием от Рена Драйдена отделаться не удастся.

Ее мозг яростно анализировал возможности, пытаясь придумать новую, куда более изощренную стратегию, которая обезоружит его, не вызвав подозрений. Раз уж он намерен остаться, нужно найти ему какое-то применение. Сумеет ли она сделать его своим союзником в борьбе с Гридли?

Вчера он ее поддержал не задумываясь.

Эмма посмотрела на Рена, понимая, что и он ее изучает, ожидая, что она примет его условия партнерства. Он небезразличен к ее чарам и отлично знает, какое воздействие производят его глаза и провокационные речи. Мужчина не станет играть в подобные игры с женщиной, к которой не испытывает влечения. Эмма привыкла к взглядам мужчин вроде Артура Гридди и Томпсона Ханта. Они постоянно крутились поблизости, полагая, что знают, как ею управлять для достижения своих целей.

Возможно, и уверенность Драйдена может обернуться против него. Но как это сделать? Не заключить ли временное перемирие до тех пор, пока она не придумает какой-нибудь план?

Эмма протянула руку через стол, притворяясь, что делает это с неохотой. Сыграть нужно убедительно. Едва ли Рен Драйден обрадуется быстрой и безоговорочной капитуляции.

– Что ж, хорошо. Похоже, у меня нет выбора, поэтому придется согласиться на деловое партнерство.

Она будет придерживаться партнерских отношений до тех пор, пока ей это выгодно. Ее следующий шаг должен стать более успешным. Первоначальная стратегия, основанная на ложных соображениях о личности Рена Драйдена, не сработала, и теперь ей требуется время, чтобы придумать новую. Достигнутое между ними соглашение дарит ей это время, и

на сей раз она точно преуспеет. Второй такой шанс ей не представится.

Рен отпустил руку Эммы, не сводя глаз с ее лица.

– А не скрепить ли нам договор экскурсией по плантации?
Я хочу как можно скорее войти в курс дела.

У Эммы по спине пробежала искра восторга – совершенно нежелательная реакция! У нее создалось впечатление, что Драйден вовсе не плантацию имеет в виду. Пульс ее участился, невзирая на крики разума о том, что это всего лишь игра. Пусть Рен флиртует сколько душе угодно, главная здесь она, и так будет и впредь. Все же она предпочла бы разыграть эту партию максимально спокойно.

– Я распорядюсь, чтобы Питер или мистер Паулсен все вам показали. – Целое утро она упражнялась с ним в остроумии, теперь решила отступить в сторону. Ей требуется время для планирования.

Эмма поднялась, намереваясь уйти, но Рен ее опередил. Поспешно поднявшись, он встал между ней и дверью, отрезав ей путь к отступлению.

– Не сомневаюсь в их компетентности, но все же предпочел бы вас. Можем пойти прямо сейчас. – Он развел руками, со смехом демонстрируя свой костюм для верховой езды. – К счастью, я одет должным образом, и вы тоже. – Он улыбнулся ей заговорщической улыбкой. – Ни один из нас не в ночной сорочке, так что больше никаких отговорок.

Эмме пришлось признать поражение. Он ее перехитрил,

и ей не удастся с легкостью отделаться от него, как накануне, препоручив заботам слуг. Она натужно улыбнулась. Он провел эту партию так грамотно, что ей не остается ничего другого, как капитулировать.

– Что ж, хорошо, распоряжусь подать лошадей.

Он довольно улыбнулся:

– Нет необходимости, я уже это сделал. Велел груму подготовить их.

Не вашему груму, а просто груму. Это замечание таило в себе напоминание о том, что «Сахарная земля» не только ее, но и его собственность тоже. Их двоих.

Сделав вид, что не обратила внимания на его реплику, Эмма вместе с ним направилась к подъездной аллее. Придется выработать привычку делиться. Необходимо полностью пересмотреть свое к нему отношение и не воспринимать его как человека, вмешивающегося не в свое дело, который находится здесь только благодаря посмертной благосклонности Мерри. Ей придется быть сильной, в противном случае Рен сочтет ее бесхребетной и попытается обернуть это себе во благо.

Лошади и в самом деле ожидали возле дома, и Рен легко посадил Эмму в седло. Поправив стремяна на ее лошади, он еще раз проверил подпругу. Эмма решила, что он так поступает либо из-за чрезмерной галантности, либо из-за привычки все всегда контролировать. Отдав предпочтение второму умозаключению, она заметила, бросив на него косой взгляд:

– Предупреждаю, Рен Драйден, я не люблю высокомерных мужчин.

Еще раз потянув за стремя, Рен поднял голову. В его голубых глазах плясали веселые искры.

– А я предупреждаю, что не люблю женщин-интриганок. Поэтому, как мне кажется, мы в расчете.

Он одним движением забросил свое атлетическое тело в седло, при этом его ступни безошибочно вошли в стремяна, а бедра сжали бока гнедого жеребца, которого Мерри купил у возвращающегося в Англию офицера. Эмму обдало волной жара при воспоминании о том, как вчера Рен обнимал ее, когда они скакали верхом.

– Вы неплохой наездник, – заметила Эмма, огибая дом, чтобы начать обещанную экскурсию по плантации.

– Да, мне нравится верховая езда. Конюшня – это особая гордость нашей семьи. Мы все выросли в седле, – весело отозвался Рен, поравнявшись с лошадью Эммы. Дорога расширилась, позволив им скакать бок о бок.

– У вас большая семья? – Судя по всему, так и есть, хотя Эмме трудно было представить, чтобы у Рена имелись братья или сестры. Она-то ожидала прибытия пожилого человека практически без родственных связей.

– В общем, да, хотя и не такая большая, как у некоторых других, – отозвался Рен. – У меня две младшие сестры и брат. А у вас?

Эмма покачала головой:

– Я и родителей-то своих почти не знала, какие уж тут братья и сестры. Мы жили вдвоем с отцом. Он был военным, поэтому приходилось часто переезжать.

– Как это, наверное, было увлекательно! – воскликнул Рен, не сводя с нее глаз.

Подобное внимание и льстило ей, и смущало. Эмма думала, что они поболтают о пустяках, но все оказалось куда более серьезно. Что это – вежливое любопытство или искренний интерес с его стороны? Или, что еще хуже, попытка соблазнить? Возможно, он только притворяется милым, как тогда за завтраком? Обычно подобным образом люди ведут себя, рассчитывая что-то получить. Если Рен намерен завладеть плантацией, он будет не первым, кто попытался, и не первым, кто потерпел поражение.

И тут соблазнение, если именно оно у него на уме, становится опасным. Нужно проявлять достаточно осторожности и не забыть о том, что это всего лишь игра, каким бы привлекательным происходящее ни казалось. Незачем облегчать Рену задачу. Но и неприступную крепость из себя она разыгрывать не станет. Соппротивление убедит его, что она по-прежнему недовольна его приездом. Нельзя, однако, допустить, чтобы ситуация зашла слишком далеко.

Усилием воли Эмма отогнала неприятные мысли. Незачем давать волю фантазии и убеждать себя, что Рена интересуется что-то еще, помимо его пятидесяти одного процента.

– Мне было одиноко. Карьера забирала у отца все силы, и

он жил ею. А мне хотелось стабильности, нормального дома и друзей, необходимость постоянно переезжать с места на место я воспринимала как тяжелое бремя. После смерти отца мне не на кого было опереться.

Они достигли развилки, и Эмма жестом указала направо.

– А как же мой кузен? – Рен тут же встал на защиту родственника.

– Да, я всегда буду благодарна Мерри. Он очень по-доброму и великодушно отнесся к шестнадцатилетней девушке.

Дорога сузилась, и Эмма поскакала вперед. Начался подъем в гору. Она была рада, что Рен не видит ее лица, ведь боль утраты не притупилась через четыре месяца после смерти Мерри. Прояви Рен чуть больше душевности – искренней или наигранной, – и она все ему выложит.

Взобравшись на вершину холма, они спешили. Пытаясь выиграть время, чтобы совладать с эмоциями, Эмма притворилась, что смотрит вдаль. Но Рен не позволил ей побыть наедине со своими мыслями. Она услышала шорох его шагов по траве. Наконец он подошел почти вплотную, так что она почувствовала его аромат – это был легкий запах мужского пота, дорогого мыла и лошади. Подобное сочетание показалось Эмме очень привлекательным. В нем таились сила и мощь.

– Это самое высокое место на плантации. Отсюда открывается отличный вид, – пояснила она.

Она любила бывать здесь и частенько приходила сюда

вдвоем с Мерри, когда он хорошо себя чувствовал. Последний раз случился за два дня до его смерти. Подъем отнял у него все силы, и Эмма переживала, как бы он не отдал Богу душу прямо на вершине холма, обозревая расстилающееся перед ним владение. Именно тогда он поделился с ней своими подозрениями, связанными с Гридли. Жаль, что он не предупредил ее и о Рене Драйдене тоже.

Рен одобрительно присвистнул:

– Поразительный вид. Понимаю, почему вам захотелось сюда подняться. Стоя здесь, человек чувствует себя королем, созерцающим вверенное ему королевство.

– Или королевой, – тут же добавила Эмма. Это ее королевство, свидетельство того, за что она боролась и что защищала. И чего неминуемо лишится, если ослабит защиту. Стоит забыть об осторожности – и Гридли тут же отнимет у нее плантацию. Возможно, и Рен Драйден поступит так же.

Расскажите мне обо всем, что мы видим, – попросил Рен, интимно склонившись к самому ее уху. По ее телу прокатилась волна предвкушения, ничем не похожая на вспышки ненависти и страха, которые она обычно испытывала в присутствии Гридли. – Что это за здание вон там? – Рен указал рукой.

– Это мельница для переработки сахарного тростника. Ее наличие оправдано размерами плантации. Кроме того, мы мелем тростник для нескольких соседних плантаций, у которых нет своих мельниц, – пояснила Эмма.

Она привлекла внимание Рена к другому объекту на востоке.

– Вон главный дом, а вон и поля. – Они были черны после недавнего выжигания и потому казались голыми на фоне зеленого пейзажа и голубого неба. – Там огород и приусадебная ферма. – Эмма обернулась через плечо, чтобы оценить реакцию Рена. – Вы, похоже, удивлены? Мы вполне самодостаточны. Фокус в том, чтобы грамотно распределить землю под производство продуктов для себя и выращивание тростника на продажу. Тростник возделывается исключительно ради получения прибыли, но никому пользы не будет, если придется тратить вырученные деньги на покупку провизии. И без того многое приходится импортировать из Англии. Было бы стыдно закупать еще и продукты питания.

Рен задумчиво кивнул. Эмма живо представила, как заработала его мысль. Он явно интересуется плантацией. Лето очень знойное, работы много, и вчера Рен показал себя с хорошей стороны, не раздумывая, бросился на борьбу с пожаром.

– Трудно ли выращивать тростник? – спросил он, блуждая взглядом по обугленным полям. – Судя по тому, что я прочел, не очень.

– Верно, не очень. Тростник сам восстанавливается.

Она пустилась в объяснения о том, как тростник размножается черенками, ни на секунду не забывая о присутствии Рена у нее за спиной. Как же трудно сосредоточиться! А ведь

он до нее и пальцем не дотронулся, просто стоит рядом. На самом деле он соблазняет ее близостью своего тела.

Нет, «соблазняет» – неверное слово, слишком малозначащее. Соблазнение требует флирта, добродушного подшучивания и остроумной беседы, а не дискуссии на тему сельского хозяйства. Рен зондирует почву, то есть дает ей почувствовать свою физическую привлекательность: запах, исходящее от него тепло, чувственность. Он даже самому обычному замечанию способен придать эротичности, стоит лишь прошептать его ей на ушко.

Он, без сомнения, из тех мужчин, кто умеет мастерски использовать нюансы пространства и прикосновений, чтобы вызвать чувственный интерес к нему. Вопрос в том, зачем ему это надо? Эмме еще не встречался мужчина, который проявлял бы к ней бескорыстный интерес, не считая Мерри. Не нужно быть семи пядей во лбу для осознания, что у Драйдена на уме. Она догадалась об этом уже в тот момент, когда он спрыгнул с повозки Шерарда во всем великолепии своей мужественности.

Нынешний тонкий флирт подтвердил ее подозрения. Эмма была разочарована, возможно, потому, что втайне надеялась: этот мужчина, отважно сражающийся с пламенем, окажется иным. Но, даже зная о затеянной им игре, она чувствовала, как учащается ее пульс и по спине бегут мурашки возбуждения, стоит ей оказаться рядом с ним.

Эмма была умной женщиной, а опыт сделал ее особен-

но осмотрительной, когда дело касалось мужчин. Этот опыт следует превратить в оружие. Она шагнула вперед, подальше от его жаркого тела.

– Пора возвращаться. Мне предстоит много работы.

Она согласна на что угодно, лишь бы не находиться в опасной близости к опьяняющему телу Рена, особенно без четкого плана в голове. Так и о своих принципах недолго забыть!

На обратной дороге Эмма рассказывала о местной флоре и фауне, о сезонных изменениях на острове, даже об урагане 1831 года, принесшем страшные разрушения и забравшем пятнадцать тысяч жизней. Все это она делала для того, чтобы проложить между собой и Реном некое расстояние и напомнить об их исключительно партнерских отношениях. То есть играла роль гида и деловой женщины – не более того. Большого она себе просто не могла позволить.

Когда вдалеке показался дом, Эмма испытала облегчение. Ее убежище! Она с головой уйдет в работу с документами в кабинете, избегая общества Рена вплоть до самого ужина. Но она рано обрадовалась. Приближаясь к парадному крыльцу, они увидели всадника, спешивающегося с высокого гнедого жеребца. Черт, черт, черт! Неужели вчерашней стычки ему было недостаточно?

Рен поравнялся с ее лошастью.

– Ожидаете гостей?

Эмма скривилась:

– Сэр Артур Гридли вовсе не гость. – Должно быть, увидел дым с полей и решил сунуть нос не в свое дело – с тех пор, как умер Мерри, у него это вошло в привычку.

– Значит, помеха? – усмехнувшись, пошутил Рен.

– Что-то вроде того, – скованно отозвалась она.

Гридли не просто помеха, но коварный тип. Любит выставлять себя добреньким соседом. Но она-то знает, что у него на уме!

– Если он не гость и не помеха, то кто тогда? – несколько резко спросил Рен. В нем заговорил природный инстинкт защитника.

– Вам не о чем волноваться. У меня все под контролем.

Эмма надеялась, что так оно и есть. Не хотелось признаваться Рену в обратном и говорить, что в «Сахарной земле» не все благополучно. Незачем давать ему оружие против себя.

Артур Гридли поднялся по ступеням крыльца вслед за ними, мило улыбаясь, изображая хорошего соседа. Дурной знак. Похоже, не разобравшись толком с Реном Драйденом, Эмма столкнулась с куда более серьезным противником. Классическая иллюстрация поговорки «Из огня да в полымя».

Глава 5

– Эмма, дорогая, сколько же у вас дел!

Артур Гридли, как всегда, источал очарование и был безукоризненно одет. Почтовые суда регулярно доставляли ему дорогую одежду, и он тщательно поддерживал образ главного денди острова.

Эмма натянуто улыбнулась, чувствуя себя неопрятной на фоне нарядного Гридли. Он-то уж точно не выжигал утром поля и не объезжал свою территорию. В управлении плантацией Гридли практичностью не отличался.

– Сэр Артур, рада вас видеть. Мы разве договаривались о встрече? – Эмма ни за что не выкажет перед ним страха, не предоставит ему еще одно оружие против себя.

Сэр Артур усмехнулся, сверкнув ровными белыми зубами. Многие женщины на острове находили его улыбку очаровательной, включая и жену губернатора. Но Эмма не из их числа, к чарам Гридли она равнодушна.

– С каких это пор старым друзьям, чтобы увидаться, нужно заранее договариваться? – Он дружески ей подмигнул. – Я пришел поговорить с Драйденом. Вчера царил такой хаос, что нам не представилось случая узнать друг друга. – Слово «хаос» было произнесено обвинительным тоном, будто Эмма подстроила пожар нарочно. – Далекое не идеальные условия для знакомства.

Эмма немедленно разгадала намерения Гридли. Он решил разыграть библейского змея-искусителя и добиться расположения Рена показным проявлением дружелюбия. Ей следовало заранее предупредить Рена, что Гридли способен обвести вокруг пальца того, кто зазеваётся. Эмма легко могла вообразить, какие истории он наплетет наследнику Мерри – ничего не подозревающему новичку, – чтобы урвать себе процент «Сахарной земли». С Гридли без предварительной подготовки лучше не встречаться.

– Мы с Альбертом были очень близки. Он был хорошим другом, – с печальной улыбкой сообщил сэр Артур, видя, что Эмма не собирается его поддерживать. Эмма же сочла, что любые ее пояснения останутся без внимания, а сэр Артур обожает себя рекламировать.

Приторно улыбаясь, Гридли задержал взгляд на Эмме достаточно долго, чтобы показать, что беспокоится о ней, после чего снова сосредоточил внимание на Рене.

– Я друг не только Мерримора, но, смею надеяться, и дорогой Эммы тоже.

– Прошу меня извинить, утро выдалось очень напряженным, – процедила Эмма сквозь зубы, едва держа себя в рамках приличий. Иных возражений он от нее не добьётся. Согласно этикету, ей следовало ответить что-то вроде: «Ничего другого и не подразумевалось», хотя на самом деле все было наоборот. Не станет она с ним вежливо расшаркиваться на публике!

– Видел, что вы выжгли поля, – тут же подхватил Гридли, посылая Эмме неодобрительный взгляд, но адресуя следующую реплику Рену: – Не все здесь так поступают, Драйден. Плантадоры старого эшелона полагают это рискованным, но Эмма у нас привержена новшествам.

– Вы хотите сказать, что я выжигала поля, подчиняясь глупому капризу? – резко перебила его Эмма.

Она не позволит пренебрежительно отзываться о своих методах ведения сельского хозяйства, низведя все до женских прихотей, перед человеком, которого отчаянно стремится поразить своим знанием дела. То было взвешенное решение. Вот соберет она самый лучший урожай, тогда и докажет свою правоту!

– Эмма, без сомнения, знает, что делает. – Рен встал у нее за спиной, и она почувствовала исходящее от его тела тепло. Каков собственник!

В глазах Гридли что-то сверкнуло, но он продолжил со своей обычной доброжелательной улыбкой:

– Как бы то ни было, я рад вашему приезду, Драйден. Теперь вы возьмете бразды правления в свои руки, предоставив Эмме возможность хлопотать по хозяйству.

Боже, да он сегодня в ударе! Разве что не пощекотал ее за ушком как любящий дядюшка, каковым он в действительности не является. Гридли не собирался заменять ей отца, его намерения носили совсем другой, и явно похотливый характер.

– Я бы пригласила вас в дом, но у меня сегодня много дел, – резко ответила Эмма, как бы извиняясь за нарушение этикета.

– Обо мне не беспокойтесь, занимайтесь хозяйством. Как я уже сказал, я здесь не ради вас. – Гридли снова дружески подмигнул, показывая, что пошутил. – Я приехал повидаться с Драйденом, рассказать ему о положении вещей. Обещаем не путаться у вас под ногами, только не забудьте послать нам кувшинчик доброго фалернского вина на заднюю веранду. Мы посидим там и все подробно обсудим. – Он хлопнул Рена по спине. – Нужно же должным образом отметить приезд нового человека!

– Должным образом? – Рен бросил на Эмму взгляд украдкой, и она уловила в его голосе нотки веселости, предназначенные ей одной, и это делало их сообщниками против Артура Гридли. – Думаю, мне это очень понравится.

Губы Эммы сами собой растянулись в улыбке. Возможно, со стороны Рена это всего лишь стратегический шаг, но как же приятно осознавать, что он на ее стороне. С этой точки зрения она присутствие Рена не рассматривала, а ведь это открывает новые возможности. Враг моего врага – мой друг. Пока, по крайней мере.

Враг? Друг? Встревоженный сосед или высокомерный любитель совать нос не в свое дело? Непросто понять, к какой категории следует отнести сэра Артура Гридли. Расположив-

шись в одном из двух одинаковых кресел-качалок на веранде, Рен попытался собраться с мыслями. Эмма держится с Гридли подчеркнуто равнодушно. Оттого ли, что на дух его не переносит, или из страха, что он способен раскрыть тщательно оберегаемый ею секрет? Судя по всему, Рену предстоит вечер открытий.

– Как вы находите наш мир?

Гридли вытянул ноги, устраиваясь поудобнее. По его собственному заявлению, он был близким другом Мерримора, но Рен этому не поверил. Гридли, судя по всему, привык приезжать на плантацию, но его действия выдавали корыстного человека.

– Жарко здесь, – любезно отозвался Рен, решив, что вежливость лишней не будет.

Гридли, возможно, захочет похвастаться, а значит, рассказать что-нибудь представляющее интерес для Рена. Знание, как известно, сила, если Рен разыграет свою партию с умом, то Гридли будет разглагольствовать весь вечер, думая, что устанавливает добрососедские отношения, а в действительности давая Рену то, что ему нужно, – информацию.

Рен давно усвоил, что именно умеющий хорошо слушать человек способен ловко лавировать в опасных водах высшего света. Значит, и в этой новой для себя среде нужно обзаводиться друзьями. Главное, чтобы друзья оказались настоящими. Интуиция подсказывала, что появятся также и ложные друзья, и ему предстоит выяснить, к какой категории

относится сама Эмма. Кому можно доверять: совладелице плантации, предположительно безумной женщине, или одетому с иголки соседу с благими намерениями?

– Действительно, жарко, совсем не то, что в Лондоне, – с готовностью закивал Гридли. – Вы привыкнете. Здесь бывают сезоны дождей и засухи, но место для жизни неплохое. Нет ни холода, ни снега, ни серых, унылых туч, на многие месяцы затягивающих небо.

Гридли был само воплощение дружелюбия.

Служанка внесла поднос с двумя бокалами и графином, в котором плескалась янтарная жидкость, и, поставив его на маленький столик, наполнила оба бокала.

– Вам понравится фалернское вино, – заверил Гридли. – Оно сладкое, пряное, с ноткой ванили.

Осторожно сделав глоток, Рен с облегчением убедился в правоте слов Гридли. Он различил вкус имбиря и миндаля, а также лайма.

– Превосходно.

Гридли засмеялся:

– Вы как будто удивлены. Не стоит. У Эммы лучшее фалернское вино на острове. Ее новая кухарка как-то по-особому его смешивает. – Вздохнув, Гридли понизил голос: – Эмма привыкла получать все самое лучшее: лучшую кухарку, лучшего полевого бригадира, лучшего управляющего, лучший штат прислуги. Тем самым она нажила врагов, что не может меня не тревожить. Поэтому я рад вашему приезду.

Возможно, вам удастся вбить в ее голову немного здравого смысла.

Гридли послал Рену взгляд украдкой, явно рассчитывая на согласие, но Рен проявил проницательность. Ему требуется больше информации, прежде чем принимать чью-либо сторону, поэтому он решил притвориться несведущим новичком.

– Боюсь, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

– Разумеется, нет, это вполне объяснимо. Мы вас введем в курс дела, и вы скоро уразумете, как мы тут живем и что делаем. – Гридли наградил его очередной дружеской улыбкой, но Рен был настороже.

– Буду вам очень признателен, – отозвался он нейтральным тоном, гадая, пришел ли Гридли по собственной инициативе или был делегирован соседями. Подобное прощупывание украдкой было Рену не в новинку, так как мало чем отличалось от проверок новых членов в мужских клубах Лондона.

– Эмма не виновата, – поспешно добавил Гридли. – Это все треклятая ремесленная программа. На бумаге выглядит гладко, но на деле стоит плантаторам целого состояния, да и работников не так-то просто найти.

Рен вопросительно поднял бровь, призывая Гридли пояснить свою мысль. Тот намек понял.

– Согласно новой системе, бывшие рабы получили право решать, хотят ли они и дальше работать на плантации, и вы-

бирать хозяина по своему разумению. Мы не можем их принуждать. А они, естественно, ищут места, где платят больше, а требуют меньше. – В последней фразе заключалась жалоба на Эмму. – Она кормит их три раза в день и разве что одеяло на ночь не подтыкает, – с презрительным смешком добавил Гридли. – Вы и сами вчера стали свидетелем проявления ее заботы после обнаружения куклы-обеа.

– Вы подобное равноправие осуждаете? – уточнил Рен, внимательно всматриваясь в лицо Гридли и понимая, что этот человек явился сюда вовсе не с визитом вежливости. На кону нечто большее. Может, подоплека носит политический характер? Или экономический? Или социальный?

– Я осуждаю, когда действия одного человека не дают другому достойно зарабатывать на жизнь, – прямо ответил Гридли, а Рен бросил взгляд на его дорогие сапоги. Похоже, действия Эммы не сильно ущемляют Гридли.

Плантатор попытался сгладить свои слова взмахом руки.

– Эмма не понимает, что к чему. Уж слишком она мягко-сердечная, но и импульсивная тоже, а это, сами понимаете, не лучшее сочетание для бизнеса. Она не способна увидеть картину в целом и последствия, которые ее действия будут иметь для всех нас. – Он говорил с жаром и яростью.

Рену подобное объяснение характера Эммы не понравилось, и он сам себе удивился: с чего это ему захотелось защищать женщину, которая ясно дала понять, что на дух его не переносит? Но Гридли его возмутил – хорош гусь, нече-

го сказать: пришел в гости к соседке, пьет ее вино и ее же очерняет в глазах едва знакомого человека!

– Возможно, вы к ней слишком строги, – предположил Рен. – Она полагает, что действует в интересах вверенной ей плантации.

Гридли мгновенно посуровел:

– Но весьма серьезные последствия ускользают от ее внимания. Есть мы, и есть они, и их значительно больше. Если мы не будем держаться вместе, скоро они потребуют выделить им места в ассамблее – или захватят их силой.

Его слова поразили Рена, он понял, что имеется в виду. Белое население острова многократно уступало по численности бывшим рабам – соотношение было примерно один к десяти – что, разумеется, порождало напряжение. Находящиеся в меньшинстве плантаторы держали в своих руках всю законодательную власть, а бывшие рабы имели численное преимущество и представляли собой внушительную силу, способную нанести сокрушительный удар.

Восстание, успешное восстание, было возможно и даже вероятно. Еще живя в Лондоне, Рен узнал, что они случались на других островах Западной Индии. Люди вроде Гридли верили, что подобные бунты против власти неизбежны и защитить себя можно одним-единственным способом – узаконить карательные меры.

Но, даже понимая логику плантаторов, Рен был с ней не согласен. Подобное вольнодумство роднило его с Эммой, а

вот Артур Гридли и прочие соседи, узнай они об этих его идеях, в восторг точно не придут. Из предосторожности он не спешил обнародовать свои взгляды.

– Может, работая вместе, людям удастся найти общий язык? – предположил Рен.

Ему не хотелось ни лгать Гридли, ни открыто объявлять о своем с ним несогласии. Однако, долгое время плавая в мутных водах лондонского света, он уяснил, что некоторые мосты ни в коем случае не следует сжигать. Если Эмма уже так поступила, Рен тем более не имеет права следовать ее примеру, ведь на кону благополучие «Сахарной земли», хотя он и поддерживает отмену рабства и даже идею перераспределения мест в ассамблее для более точного отражения картины действительности.

– О каком общем языке может идти речь? – отрывисто и грубо отозвался Гридли. – Когда вы лучше познакомитесь с островом, поймете, что я имею в виду. У нас нет бесхозной земли, она вся в собственности. Получившие свободу рабы хотят иметь свои наделы, но где их взять? Не дробить же имеющиеся плантации! – Оборонительный тон его голоса не вязался с высказываемыми убеждениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.